

УДК 821.161.1

ВОЛК В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ: ШТРИХИ К ОБРАЗУ ШТАБС-КАПИТАНА РЫБНИКОВА В ОДНОИМЕННОМ РАССКАЗЕ А.И. КУПРИНА

© Руслана Станиславовна ПЕРЕСЛАВЦЕВА

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
г. Воронеж, Российская Федерация, кандидат филологических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных наук, e-mail: west30@yandex.ru

Рассматривается формирование образа противника в произведениях о русско-японской войне 1904–1905 гг. «Непонятная» (выражение В.В. Вересаева) война заставила русских писателей искать новые художественные средства, способные адекватно показать характер и значение русско-японской войны, образ русского воина и образ противника. Отталкиваясь от образа «маленького человека» в значении человека маленького роста, ребенка, который служит для ряда писателей метафорой, обозначающей японцев, А.И. Куприн при создании образа японского шпиона использует семантические коды, свойственные литературному типу «маленького человека». Это амплуа необходимо герою для выполнения задания. Оно открывает ему двери в государственные учреждения и журналистский клуб. При всей успешности маскарада, штабс-капитан становится заложником своей роли. Эта роль движет сюжетом, поэтому даже попытка самоидентификации Рыбникова оказывается безуспешной. Подобно своим литературным прототипам, гений шпионажа становится жертвой традиционного конфликта «маленького человека» и государства. Движущая сила государственной машины, которая вершит судьбу штабс-капитана, в рассказе сатирически представлена «кумиром» публичного дома, полицейским филером.

Ключевые слова: «маленький человек»; образ врага; русско-японская война 1904–1905 гг.; мотив знания (зоркости) / незнания (слепоты).

На сегодня в отечественном литературоведении представлен фрагментарный анализ отдельных тем и отдельных авторов, откликнувшихся на события русско-японской войны, причем изображающих ее как в русле официальной точки зрения, так и с «непарадной» стороны. В то же время отсутствует системный анализ ключевых тенденций художественно-философского и художественно-документального осмысления феномена русско-японской войны в единстве историко-философского и литературоведческих аспектов, его влияния на последующее развитие литературного процесса.

Тема русско-японской войны как «важнейшего события ментального плана», по выражению Н.Ю. Грыкаловой, до сих пор остается недостаточно изученной, даже по сравнению с Первой мировой войной, получившей в отечественном литературоведении характеристику: «неизвестная» [1, с. 29].

А.И. Иванов полагает, что «нуждается в исследовании русское культурное представление о войне как таковое», в т. ч. о русско-японской войне [2, с. 11].

Современные исследователи обращают внимание на ряд аспектов войны 1904–1905 гг.

Одним из таких «пазлов», безусловно, является образ врага.

В России, как пишет Д. ван дер Ойе Схиммельпеннинк, Восток «представлялся по-разному – это и объект завоевания, и напоминание о монгольском нашествии, и неоспоримая часть собственной генеалогии» [3, с. 11].

Такое двойственное отношение русских к Востоку не могло не отразиться на сложном восприятии образа врага. В русско-японскую войну 1904–1905 гг. даже рядовые не воспринимали японцев как дегуманизированного противника. Е.С. Сенявская объясняет это тем, что «макаки», изображенные на лубочных картинках, оказались представителями «иной цивилизации», способными на «благородные поступки» [4, с. 33].

Подобное отношение к врагу, на наш взгляд, объясняется не только «благородством» противника, но и неясностью целей самой войны, а также тем, что она велась не в России, а на чужой территории. А также тем, что восточная тема, как «неоспоримая часть собственной идеологии», не могла не содержать в себе соблазна найти в японцах нечто, что делало бы их похожими на рус-

ских. «Огромное большинство русских людей имело лишь смутное представление о Манчжурии и Корее и о том, какие именно интересы, материальные и культурные, могут быть затронуты в этих странах. Что касается до самой Японии и японцев, то для большинства русского народа это были совершенно неизвестные величины, не возбуждающие ни симпатии, ни антипатии; более же образованная часть общества относилась к ним скорее сочувственно за их быстрый переход от варварства к европейской цивилизации, который **сравнивался с переворотом, произведенным у нас Петром Великим** (выделено мной. – *Р. П.*)», – пишет обозреватель «Русской мысли» [5, с. 181].

В рассказе К.А. Ковальского «Из жизни рядового Семена Незабудкина» после сражения на поле боя остаются забытыми двое раненых: русский и японец. В процессе общения осознают друг друга не врагами, а «братьями». Рядовой Незабудкин видит в японце такого же «мужика», как он, у которого остались на родине жена, дети, «покинутые поля», только не ржи, а риса: «Мужик, японский мужик!.. Теперь он должен умереть на этих проклятых сопках. Два человека, два мужика должны умереть... Зачем? Кому это нужно?! Какими правами?!» [6, с. 278].

«Маленькими людьми», т. е. детьми предстают японцы на страницах произведений о русско-японской войне В.В. Вересаева: «Японцы сидели на траве – худые, маленькие, как мальчики, с черными от загара лицами»; «От ручья поднималась к роще кучка невысоких людей (не врагов, а именно людей. – Прим. *Р. П.*) в черных куртках, в прямых, **будто детских** (выделено мной. – *Р. П.*) картузиках (снова в описании используются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. – Прим. мое. – *Р. П.*) с желтыми околышами» [7, с. 245, 246].

Образ ребенка, сформированный классической русской литературой XIX в. как символ духовной и физической чистоты, задает соответствующую линию восприятия японцев, далекую от образа «дегуманизированного» врага.

Японский шпион в рассказе А.И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников» также эксплуатирует литературные стереотипы русских, сознательно примеряя на себя амплуа «маленького человека».

Традиционно исследователи отмечают двойственность или двуплановость главного героя рассказа, не особо вдаваясь в природу этой двойственности. А.А. Волков полагает, что «двуплановость образа Рыбникова состоит в том, что в нем затейливо переплетаются и вместе с тем критически противопоставляются друг другу тупой царский офицер и очень умный, образованный и волевой враг» [8]. С.А. Ташлыков видит в герое не только признаки «сильной личности», «романтического героя», но «злую и **верную карикатуру** (выделено мной. – *Р. П.*) на русского забубенного армейца» [9].

О том, что герой ведет двойную жизнь, мы узнаем фактически в самом начале рассказа. Природу его двойственности пытается понять Щавинский: «В лице его поражало то разное впечатление, которое производили его фас и профиль». Штабс-капитану присуще, по мысли журналиста, две природы – человеческая, самая заурядная, типичная (характеризуется русским, чуть-чуть «калмыковатым» лицом, «маленьким выпуклым лбом», «русским бесформенным носом) и звериная (в данном случае это определение становится синонимом определений «мудрый» («злое, насмешливое, умное существо»), «нечеловеческий» («существо с другой планеты»), «японский / азиатский» («узенькие, зоркие, ярко-кофейные глазки с разрезом наискось») [10, с. 372, 373].

С одной стороны, соотношение «зверинного» начала с национальной принадлежностью героя обусловлено стереотипами, шаблонами, присущими образу врага в официальной пропаганде и прежде всего в лубочных картинках. Так, Щавинский характеризует японца, как «получеловека», «полуобезьяну». С другой стороны, «двойничество» – свойство, присущее образу «маленького человека» [11, с. 204].

Безусловно, герой Куприна сознательно использует этот прием «перевоплощения» для создания своей «легенды», поэтому Щавинскому чрезвычайно сложно определить, является ли штабс-капитан японским шпионом или нет.

При первой встрече с журналистом автор называет героя «суетливым, смешным и несуразным человеком» [10, с. 369]. В один из моментов словесной дуэли Рыбников представляется Щавинскому «маленьким,

загнанным, трогательно жалким» [10, с. 389]. Журналист отмечает, как штабс-капитан «со смешной гордостью» бьет себя в грудь. Квартирная хозяйка характеризует своего жильца как «человека тихого, бедного, глуповатого, умеренного в еде, вежливого», который «не пил, не курил, редко выходил из дому и у себя никого не принимал» [10, с. 366]. Настя видит в нем «маленького пожилого офицера», похожего на «микадо» [10, с. 395]. Военные чиновники, «чистенькие штабные офицеры» отмечают его «глуповатую улыбку» и «заискивающий голос», а также «тупость, бестолковость, полное отсутствие чувства собственного достоинства» [10, с. 368]. Он предстает перед ними «несчастливым, замурзанным, обнищавшим раненым армейцем»; «он был беззащитен, пуглив и наивен» [10, с. 367, 368].

Обращаясь к «эпизодам биографии» «маленького человека», С.В. Савинков и А.А. Фаустов приводят пример из словаря В. Даля: «я человек подчиненный, маленький, подвластный, зависимый» [11, с. 150]. Это один из примеров, которым составитель словаря характеризует глагол «подчинять». Обратим внимание, в русской литературной традиции «маленький человек» – человек подчиненный, зачастую не только в силу своего материального положения, но и профессиональной деятельности. Причем очень часто эта деятельность имеет непосредственное отношение к государственной службе, в т. ч. армейской.

Вспомним, пушкинский Самсон Вырин – старый солдат, тридцать лет прошагавший в «военных походах». Есть общие черты у Рыбникова и с Максимом Максимычем из «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Со «смуглым цветом» лица последнего корреспондирует «шафранный цвет лица» «темно-желтого от загара» Рыбникова [10, с. 379]. Оба героя имеют одинаковый армейский чин, непосредственное отношение к «азиатам» (мы полагаем, что в данном случае можно обратиться к контексту русско-японской войны, в начале которой японцев в официальной прессе практически безоговорочно относили к «азиатам») и «хорошо знают» их.

Как и у литературных предшественников, речь Рыбникова в амплу «маленького человека» состоит одновременно из устоявшихся оборотов – клише, штампов, цитиро-

вания растиражированного общественного мнения, бесконечного количества русских пословиц и поговорок, слов-паразитов, а также перифраз из опубликованных произведений о русско-японской войне и газетных статей.

Речь Рыбникова напоминает речь Мармеладова, в которой клише соседствуют с высокопарной лексикой. Рыбников предстает перед нами в роли опустившегося капитана, грубого, «растрепанного», «не особенно трезвого». Герой Ф.М. Достоевского таким является на самом деле. Мармеладов – титулярный советник, как и другие «маленькие люди»: Макар Деушкин, Поприщин, Башмачкин. С 1884 г. этот чин соответствует армейскому чину штабс-капитана. «Питейной», «свинской» теме, свойственной монологам Мармеладова, отведено в репликах штабс-капитана значительное место: «Я сегодня черт знает сколько выпил. Башка трещит. С утра, черт возьми, наклюкался. Веселие Руси есть пити. Что? Неправда? – воскликнул он вдруг с лихим видом и внезапно пьяным голосом»; «– З-значит, мы с вами з-закутили! Люблю, черт! Веселие Руси есть пити. А я, брат, здорово с утра дерябнул»; «Знаете, как мы, русские, говорим: бог не выдаст, свинья не съест. То есть я хочу сказать, что свинья – это, конечно, японцы»; «Яко наг, яко благ... Бедность, как говорится, не порок, но большое свинство» [10, с. 368, 374, 376, 377]. Автор в последнем случае использует перифраз реплики Мармеладова о том, что бедность – не порок, а вот нищета – совсем другое дело.

Кроме того, герой постоянно жаждет со стороны других персонажей подтверждения «правильности», «настоящести» своей игры, поэтому он часто использует вводные слова и риторические вопросы, цель которых «подтверждение правдивости слов» и «справедливости» ранее озвученной информации [13].

«Ключевыми кодами» «маленького человека» зачастую выступают «энтомологический» и «орнитологический» [11, с. 178]. Этимология фамилии главного героя связана с образом «рыбы»: «Фамилия Рыбникова образована от прозвища Рыбник. Так могли называть продавца рыбы. В псковских говорах Рыбник означало «рыбак». Рыба почиталась священной в разных культурах и традициях, она считалась посредницей между не-

бом и землей, «птицей земли». Позднее она стала символом углубленной внутренней жизни, скрывающейся под поверхностью вещей, а также знаком поднимающейся жизненной силы» [14]. Сам себя Рыбников характеризует: «рожа овечья, а душа человечья» [10, с. 381]. Щавинский отмечает в его лице не только звериный облик, но и «тонкие, синеватые, какие-то обезьяньи или козлиные губы» [10, с. 374]. Перед визитом в публичный дом штабс-капитан говорит: «Ехать так ехать – сказал попугай» [10, с. 389]. Рассуждая о русских и японцах, штабс-капитан последних называет «макаками», «свиньями», соответственно, эти эпитеты в полной мере относятся и к нему.

Если в образе Рыбникова в роли «маленького героя» преобладают орнитологические черты животного, которое может быть потенциальной жертвой, то его оппоненту Щавинскому, «страстному охотнику или добровольному сыщику», «большому человеку» («фельетонист большой петербургской газеты», «аристократ газетного мира», встречается со штабс-капитаном «в большом кабинете») присущи энтомологические черты паука: «Щавинский мягко и любовно, с какой-то обволакивающей паучьей манерой овладевал вниманием своей жертвы. Но, насытившись человеком, он бросал его» [10, с. 378].

Вместе с тем японский шпион также предстает **охотником**, охотником за сведениями о русской армии. Неслучайно журналист видит в нем «дикивинного» зверя с горящими ненавистью глазами, «мудрого, очеловеченного, культурного вежливого зверя» [10, с. 381]. «Мягким, кошачьим движением» герой вскакивает на подоконник, пытаясь уйти от погони. В описании ночи, проведенной с Настей, автор называет Рыбникова «самцом». Штабс-капитан напоминает «настоящий тип госпитальной, военноканцелярской или интендантской крысы. Важно подчеркнуть, что образ крысы имеет отрицательное значение только в западной мифологии: «Японцы считали крыс умными, сообразительными и изобретательными»; «крыса связана с культом Дайкоку, одного из семи японских богов счастья»; кроме того, «в средневековой Японии существовали поверья о крысах-оборотнях, нэдзуми», т. е. «ниндзя» [15]. (Интересно, что в романе Б. Акунина «Алмазная колесница» японский

шпион, которого также зовут штабс-капитаном Рыбниковым, приходится внуком главе клана ниндзя (!), т. е. для писателя оказался актуальным именно «крысиный» код героя).

Но в рассказе А.И. Куприна для чиновников и журналистов, квартирной хозяйки и других персонажей значимым и знакомым (!) оказывается не «крысиный», а литературный код.

Вспомним, подобно Мармеладову, Девушкину и другим литературным прототипам, штабс-капитан мастерски использует «риторику самозащиты» [11, с. 186]. Особенно часто к этой риторике Рыбников прибегает при посещении государственных учреждений: «Почему он, черт меня возьми, до сих пор не получает пособия?! Отчего ему не выдают до сих пор суточных и прогонных? А жалованье за два прошлых месяца?» [10, с. 368]. Литературный код «маленького человека» подразумевает непременно к нему сочувствие читателя и ощущение социальной несправедливости. Чиновники узнают этот код и сознательно идут навстречу Рыбникову, вступают с ним в коммуникацию и, несмотря на долю презрения, пытаются помочь: «Просто-напросто, по-человечеству, хотелось его успокоить, осведомить и ободрить, и оттого с ним **говорили откровеннее** (выделено мной. – *Р. П.*), чем с другими» [10, с. 368].

По мнению А.А. Волкова, «подлинная сущность Рыбникова проявляется чаще всего в жестах, движениях, во взглядах, в мимике. Глубоко запрятанное, тайное, мелькающее в злом и остром взгляде – это от самурайского «нутра». И каждый раз он немедленно приглушает демаскирующее его проявление духа и «усиливает» манеры армейского бурбона»; «вот он «сокрушается» о поражении русского флота, а в его «рыжих звериных глазах фельетонист увидел пламя непримиримой, нечеловеческой ненависти» [8].

Но Щавинский, даже называя амплуа штабс-капитана «карикатурой» на русского военного, все равно доверяет в большей мере не своему зрению и не своему слуху, а своей литературной памяти. По нашему мнению, эта одна из причин, по которой А.И. Куприн выбирает для оппонента штабс-капитана профессию журналиста.

Впрочем, проблемы со зрением у русских персонажей – лейтмотив произведений

о войне 1904–1905 гг. В.В. Вересаева, Н.Г. Гарина, И.И. Митропольского, Л. Нодо, Г. Эрастова и др. Оппозиция слепота // зрячесть, незнание // знание служат кодами идентификации русских и японцев в литературе об указанном событии.

Мотив затрудненности **визуальной** идентификации японского шпиона русскими блестяще показан и в рассказе А. Куприна «Штабс-капитан Рыбников».

Щавинский, несколько раз фиксируя зрением и слухом промахи Рыбникова, до конца **не уверен, что это ему не померещилось**. Между тем штабс-капитан пытается показать рану, открыв шелковое трико; делает ряд оговорок, например, употребляет слово «манускрипт» вместо «сочинение», путает отчество Чехова, демонстрирует «чтение, чрезвычайно правильное, но деревянное, с преувеличенно точным произношением каждой буквы, каким щеголяют первые ученики, изучающие чужой язык» [10, с. 377]. Как пишет А.А. Волков, «японец... не может полностью «войти в образ» [8]. Мы полагаем, что такими «промахами» японский агент проверяет, насколько русские вообще способны его разоблачить, обладают необходимым для этого зрением и знанием, а также провоцирует своего оппонента, иронизирует над ним.

Несколько раз Рыбников обнаруживает в своей речи «нерусскость» тем, что подчеркивает именно русское происхождение того или иного события, слова, поговорки и др.: «Не было печали – черти накачали, как говорится по-русски», «За компанию – говорит русская пословица – и жид удавился», «Кто на войне не был, богу не маливался. Знаете? Прекрасная русская поговорка» [10, с. 380, 383, 389]. «Знаете, есть русская поговорка: рожа овечья, а душа человеческая», «Мое русское сердце болит» [10, с. 377, 381], «Православный русский воин, не считая, бьет врагов. Такая есть солдатская русская песня»; «Позвольте пожать вашу правую руку», «Знаете, как мы, русские, говорим: бог не выдст – свинья не съест» [9, с. 373, 376, 377].

Журналист «внимательно», «незаметно наблюдает» за «штабс-капитаном», «прищуривается» (пытается сфокусировать взгляд), «всматривается», «оглядывается», «быстро взглянул», «быстро оглядел», «внимательнее приглядывался к каждому жесту и выраже-

нию физиономии штабс-капитана, но никак не может его узнать.

Закономерно, что в ресторане, где встречаются журналист и штабс-капитан, уже существуют предпосылки для плохой видимости: «Воздух в кабинете был синий, густой и слоистый от табачного дыма» [10, с. 370]. Дым, заполнивший пространство кабинета, напоминает состояние ирреальности, сна, фантазмагии (отсюда сравнение штабс-капитана с инопланетянином). Эти мотивы зыбкости и нереальности, происходящие в произведениях о русско-японской войне, наиболее часто характеризуют пространство боевых действий и ближайшего тыла, т. е. территорий, физически вовлеченных в войну.

Щавинский безуспешно пытается разглядеть штабс-капитана не только в накуренной комнате, но и на бегах, «Щавинского несколько отвлекла игра, и он не мог все время следить за штабс-капитаном» [10, с. 383]. Когда он едет с Рыбниковым из Буфф, на улице сгущаются сумерки: «было не светло и не темно» [10, с. 387]. Журналист пытается рассмотреть штабс-капитана в «неверном, полусонном свете белой ночи» [10, с. 389].

Щавинский замечает, что на некоторые реплики и слова (Цусима, самураи и др.) Рыбников реагирует особенно, причем реагирует именно глазами и лишь один раз голосом («самураи»): «в коричневых глазах блеснули странные желто-зеленые огоньки»; «зловещий желтый блеск играл в его глазах» [10, с. 373, 374]. Но все попытки журналиста визуально переиграть штабс-капитана оказываются безуспешными: «он упорно выдерживал пристальный взгляд Щавинского, и в его рыжих звериных глазах фельетонист увидел пламя непримиримой, нечеловеческой ненависти» [10, с. 376]; «глаза его засияли тем теплым, дрожащим светом, который светится сквозь внезапные непроливающиеся слезы. Но он тотчас же справился с собой, на **секунду зажмурился**, потом повернул к Щавинскому простодушное, **бессмысленное** (выделено мной. – Р. П.) (сравните образ «маленького человека», а также образы «слепых» русских солдат в произведениях о русско-японской войне) лицо» [10, с. 383]. Когда Щавинский пытается посмотреть штабс-капитану «в самые зрачки», тот «прищуривается» (как бы прячет глаза).

Преимущество штабс-капитана перед его оппонентами, его оружие – необыкновенная зоркость: «быстро бросил взгляд», «зоркие, ярко-кофейные глаза» [10, с. 373].

Отчаявшись **рассмотреть** штабс-капитана, Щавинский пытается **назвать** героя и тем самым **идентифицировать** его: «Одно время им казалось смешным называть Рыбникова фамилиями разных японских полководцев... Эту грубую и фамильярную игру начал Щавинский» [10, с. 389]. Однако штабс-капитан уклоняется и на этой опасной стадии вербальной коммуникации, влекущей за собой попытку визуализации противника. Неудачную попытку визуализации офицера предпринимает и Настя: «– А знаешь, ей-богу, ты похож на япончика. И знаешь, на кого? На микаду. У нас есть портрет. Жаль, **теперь поздно, а то я бы тебе показала** (выделено мной. – *Р. П.*)» [10, с. 393].

Эта игра в жмурки, архетипический смысл которой заключается в том, что слепой (мертвый) пытается поймать зрячего (живого), обусловлена литературоцентричностью русской интеллигенции [16].

«Где я его видел? – мелькнула у Щавинского беспокойная мысль. – Удивительно кого-то напоминает. Кого?»; Журналист боится ошибиться в своих подозрениях. «А что, если я сам себе навязал смешную и предвзятую мысль? Что, если я, пытливый сердцевед, сам себя одурачил просто-напросто закутившим гоголевским капитаном Копейкиным? Ведь на Урале и среди оренбургского казачества много именно таких монгольских шафранных лиц» [10, с. 370, 379].

Для журналиста литературный, «копейкинский» код оказывается более подлинным, настоящим, достоверным, чем «крысиный» код Рыбникова.

Вспомним, повесть Н.В. Гоголя о капитане Копейкине посвящена драматической истории об инвалиде – герое Отечественной войны 1812 г. У А.И. Куприна японский шпион напоказ хромает и всем рассказывает о своих «героических» подвигах. Как и Копейкин, он прибыл в Петербург (в этом городе и разворачивается действие рассказа А.И. Куприна). Копейкин обращается за «монаршей милостью», т. к. вследствие ампутации руки и ноги не имеет средств к существованию. Штабс-капитан Рыбников «являлся ...по несколько раз в главный

штаб, в комитет о раненых, в полицейские участки, в комендантское управление, в управление казачьих войск и еще в десятки присутственных мест и управлений... Все уже знали наизусть, что он служил в корпусном обозе, под Ляояном контужен в голову, а при Мукденском отступлении ранен в ногу. Почему он, черт меня возьми, до сих пор не получает пособия?!» [10, с. 367].

Стоит обратить внимание, что эпистолярность, также косвенно связанная с литературным кодом, играет ведущую роль в жизни японского шпиона. Фактически завязкой рассказа и отправной точкой путешествия Рыбникова по присутственным местам, улицам, театрам, вокзалам и вагонам конок служит «телеграмма из Иркутска». Шесть (!) раз в течение дня он интересуется, в «каких газетах пишет» Щавинский [10, с. 385]. Эпистолярность служит и причиной разоблачения шпиона: «Банзай» – для Насти «единственное знакомое из газет японское слово» [10, с. 397]. Кстати, в первом издании «Штабс-капитана Рыбникова» в реплике Насти про микадо содержится еще один эпистолярный код – отсылка к газете «Нива», которую читают обитательницы публичного дома: «У нас есть «Нива», так там есть портрет» [12, с. 25]. Чиновники военных подразделений, куда приходит Рыбников, воспринимаются им, как «заняты важной и страшно ответственной бумажной работой» [10, с. 367]. Несмотря на авторскую иронию, именно бюрократы «санкционируют» обеспечение и работу всех военных в русской армии и на флоте, фактически прогнозируют дальнейший ход военных действий.

Инвариантом бумажной работы является и работа журналистов, которые, написав статьи и репортажи, овеществляют слухи, делают их фактами. Некоторые исследователи полагают, что к журналистам Рыбников попадает случайно. Но, как замечает автор рассказа: «Эта пронырливая, вездесущая, циничная компания была своего рода чувствительным приемником для всевозможных городских слухов и толков, которые часто доходили раньше до отдельного кабинета «Славы Петрограда», чем до министерских кабинетов» [10, с. 375]. Соответственно часть этих слухов могла оказаться правдой, которую можно оперативно отправить в Иркутск.

Рыбников, косвенно апеллируя к образу Максима Максимыча и тем самым иронизируя над литературными стереотипами журналистов, непременно настаивает, чтобы его «интересный материал о войне», «воспоминания» были изданы и в названии содержали его фамилию: «Так и озаглавьте: «Воспоминания штабс-капитана Рыбникова, вернувшегося с войны» [10, с. 375].

А.И. Куприн показывает в рассказе, что литературные проекции оказываются настолько актуальными и живучими, что затмевают собой наличную действительность. Журналист не верит своим глазам и слуху, но верит литературной роли. «А что, если я ошибаюсь и этот Рыбников – самый что ни на есть истый распехотный армейский пропойца? Фу-ты, черт! Да нет, это невозможно. И если возможно, то боже мой, каким дураком я себя веду!», – сомневается Щавинский [10, с. 385]. Штабс-капитан словно читает мысли журналиста. «Хоть ты Иванов 7-й, а дурак!..», – вызываяще записывает на доске Рыбников **«тонким, четким, необыкновенно изящным почерком»** (выделено мной. – *Р. П.*)» [10, с. 387]. Здесь А.И. Куприн использует аллюзию из гоголевской «Шинели», вспомним каллиграфический почерк Акакия Акакиевича.

При этом Щавинский словно забывает, что в «копейкинском» коде непременно содержится и второе дно: код «разбойничий». Но этого не забывает автор.

Неслучайно, профанными двойниками Рыбникова, фактически предсказывающими его судьбу, становятся пьяный офицер у кафешантана и убийца Санька Мясник. Санька Мясник также прикидывается «другим» («Корней Сапотов, колпинский мещанин» [10, с. 398]), «пьяным». Рыбников просит офицеров угостить его папиросочкой, Санька Мясник «одалживает» «папиросочку» у Леньки.

Полицейский филер Ленька, «кумир» публичного дома, выступает в рассказе двойником Щавинского, его, по выражению С. Ташлыкова, «вторым «я» – грубым, физическим» (настигнув Рыбникова, «он тискает свою жертву с бешеным озлоблением») [9]. Но Ленька – не только двойник Щавинского, филер служит полиции, т. е. государству, как те «чистенькие офицеры» в присутственных

местах, которых так легко обманывает Рыбников, прикинувшись «маленьким человеком».

Но, в отличие от первых и от Щавинского, филер доверяет не литературному коду, а своему зрению, далеко не самому ясному и не трезвому (перед арестом Рыбникова он пьет абрикотин). Обратим внимание на его рассказ о встрече с Мясником: «Этак посмотрел ему в глаза»; «гляжу – ба-ба-ба!» [10, с. 398]. Вспомним, поэт Петухов видит в Рыбникове японца благодаря «мутному взгляду».

«Разглядев» штабс-капитана, но будучи не до конца уверенным (нет никаких доказательств, кроме свидетельства Насти), что тот является японским шпионом («у него оставались кое-какие» сомнения), Ленька решает задержать последнего, т. к. «был хорошим патриотом» [10, с. 401].

А.И. Куприн иронизирует над ситуацией, когда в России во время войны с Японией «настоящие патриоты» встречались только среди филеров, проституток и отсутствовали среди русской интеллигенции. Вспомним, Щавинский восторгается умением шпиона перевоплощаться: **«Разучиться думать по-японски, совсем забыть свое имя, отождествиться с другой личностью»** (выделено мной. – *Р. П.*)», что «выше всякого героизма» [10, с. 381]. Поэтому Щавинский не намерен в случае разоблачения сдавать шпиона властям.

Как известно, главный конфликт произведений о «маленьком человеке» заключается в столкновении последнего со «значительным лицом» (в данном случае – с Ленькой), символизирующим государство, последствием этой коллизии становится гибель героя.

Заложником своего амплуа становится и Рыбников, как раз в тот момент, когда он фактически выходит из роли, стремится к самоидентификации. Сюжет продолжает развиваться по логике литературных стереотипов. Попытка выйти из роли «маленького человека» обернулась для Рыбникова, что называется «эффектом Золушки» или смертью. Герой возвращается из огромного открытого пространства города в маленькую комнату, в которой он запирается. Его показная хромота реализуется в переломе ноги. Попытка увидеть в Насте «что-то бесконечно знакомое, давно любимое, обаятельное, пре-

красное лицо оборачивается предательством» [10, с. 394]. В итоге, задание остается невыполненным, ведь попав в «паучьи» объятия журналиста, герой увлекается своей игрой и следует маршрутом, который ему диктуют другие, хотя до этого он пытается «диктовать» им сам («Вы пишете, а я буду диктовать», – говорит он Щавинскому), и не отправляет свои сведения в Иркутск [10, с. 385].

Обращаясь к литературным сюжетам, связанным с образом «маленького человека», А.И. Куприн в рассказе «Штабс-капитан Рыбников» показывает доминирующую роль литературных стереотипов в сознании русских людей, из-за которой они становятся слепыми по отношению к реальной действительности, т. к. доверяют литературному слову больше, чем своему зрению. Доминирование литературных образов приводит не только к отказу от дегуманизации образа врага, но, напротив, к героизации последнего. Закономерно, что при таком восприятии образа врага понятие «патриотизм» оказывается не актуализированным в среде русской интеллигенции. В результате, защитниками государственных интересов выступают полицейский филер и проститутка. Следование русским литературным шаблонам делает возможным для героя использование образа «маленького человека» для шпионажа. В то же время литературное амплуа становится и своего рода ловушкой для Рыбникова, который первоначально слишком увлекается игрой с «одурачиванием» русских, а затем безуспешно пытается выйти из образа. Столкновение заложника роли «маленького человека» с государственной машиной по законам жанра приводит к разоблачению (символической и, вероятно, реальной гибели) штабс-капитана.

1. Грякалова Н.Ю. Война на Востоке и кризис европейских ценностей (Евро-Азиатский маршрут Максимилиана Волошина) // Русская литература. 2004. № 3. С. 29-39.
2. Иванов А.И. Первая мировая война в русской литературе 1914–1918 гг.: монография. Тамбов, 2005.
3. Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.

4. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX в.: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.
5. А.С. Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1904. № 3. С. 176-203.
6. Ковальский К.А. Из жизни рядового Семёна Незабудкина // Русское богатство. 1905. № 11-12. С. 257-284.
7. Вересаев В.В. Избранное: в 2 т. М., 1959. Т. 2: Рассказы.
8. Волков А.А. Творчество А.И. Куприна. URL: <http://www.kuprin.org.ru/> (дата обращения: 13.08.2014).
9. Таилов С.А. «Штабс-капитан «Рыбников» А.И. Куприна. К проблеме жанра. URL: <http://slovo.isu.ru/> (дата обращения: 13.08.2014).
10. Куприн А.И. Повести и рассказы: в 2 т. М., 1963. Т. 1: Повести и рассказы 1893–1905.
11. Савинков С.В., Фаустов А.А. Аспекты русской литературной характерологии. М., 2010.
12. Куприн А. Штабс-капитан Рыбников // Мир Божий. 1906. № 1. С. 1-34.
13. Намакитанская И.Е., Романова Е.В. Вводные конструкции в текстах поэтических произведений В.С. Высоцкого // Научный вестник Воронежского государственного архивно-строительного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. Вып. 10. С. 20-30.
14. Происхождение фамилии Рыбников. URL: <http://www.ufolog.ru/names/order/> (дата обращения: 13.08.2014).
15. Крыса в восточном гороскопе – история, легенды, мифы. URL: <http://mlady.net/> (дата обращения: 13.08.2014).
16. Богданов К.А. Игра в жмурки: Сюжет, контекст, метафора // Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001. С. 109-180.

1. Gryakalova N.Yu. Voyna na Vostoke i krizis evropeyskikh tsennostey (Evro-Aziatskiy marshrut Maksimiliana Voloshina) // Russkaya literatura. 2004. № 3. S. 29-39.
2. Ivanov A.I. Pervaya mirovaya voyna v russkoy literature 1914–1918 gg.: monografiya. Tambov, 2005.
3. Skhimmel'pennink van der Oye D. Navstrechu Voskhodyashchemu solntsu: Kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiyu k voyne s Yaponiey. M., 2009.
4. Senyavskaya E.S. Protivniki Rossii v voynakh KhKh v.: Evolyutsiya "obraza vruga" v soznanii armii i obshchestva. M., 2006.
5. A.S. Vnutrennee obozrenie // Russkaya mysl'. 1904. № 3. S. 176-203.

6. Koval'skiy K.A. Iz zhizni ryadovogo Semena Nezabudkina // Russkoe bogatstvo. 1905. № 11-12. S. 257-284.
7. Veresaev V.V. Izbrannoe: v 2 t. M., 1959. T. 2: Rasskazy.
8. Volkov A.A. Tvorchestvo A.I. Kuprina. URL: <http://www.kuprin.org.ru/> (data obrashcheniya: 13.08.2014).
9. Tashlykov S.A. "Shtabs-kapitan "Rybnikov" A.I. Kuprina. K probleme zhanra. URL: <http://slovo.isu.ru/> (data obrashcheniya: 13.08.2014).
10. Kuprin A.I. Povesti i rasskazy: v 2 t. M., 1963. T. 1: Povesti i rasskazy 1893–1905.
11. Savinkov S.V., Faustov A.A. Aspekty russkoy literaturnoy kharakterologii. M., 2010.
12. Kuprin A. Shtabs-kapitan Rybnikov // Mir Bozhiy. 1906. № 1. S. 1-34.
13. Namakhtanskaya I.E., Romanova E.V. Vvodnye konstruksii v tekstakh poeticheskikh proizvedeniy V.S. Vysotskogo // Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhivno-stroitel'nogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2013. Vyp. 10. S. 20-30.
14. Proiskhozhdenie familii Rybnikov. URL: <http://www.ufolog.ru/names/order/> (data obrashcheniya: 13.08.2014).
15. Krysa v vostochnom goroskope – istoriya, legendy, mify. URL: <http://mlady.net/> (data obrashcheniya: 13.08.2014).
16. Bogdanov K.A. Igra v zhmurki: Syuzhet, kontekst, metafora // Povsednevnost' i mifologiya: Issledovaniya po semiotike fol'klornoy deystvitel'nosti. SPb., 2001. S. 109-180.

Поступила в редакцию 28.01.2015 г.

UDC 821.161.1

A WOLF IN SHEEP'S CLOTHING: LINES TO THE IMAGE OF STAFF CAPTAIN RYBNIKOV IN THE STORY OF THE SAME NAME BY A.I. KUPRIN

Ruslana Stanislavovna PERESLAVTSEVA, Plekhanov Russian University of Economics, Voronezh, Russian Federation, Candidate of Philology, Associate Professor of Social and Humanitarian Disciplines, e-mail: west30@yandex.ru

Is reviewed formation of the image of the enemy in the works on the Russian-Japanese War of 1904–1905 yy. "Incomprehensible" (an expression of V.V. Veresaev) war made of Russian writers in seeking new artistic means capable of adequately showing the nature and significance of the Russian-Japanese War, the image of Russian warrior and the image of the enemy. Based on the image of the "little man" in the sense of a man of small stature, a child, who is used as a metaphor to a number of writers indicating Japanese, A.I. Kuprin when creating the image of the Japanese spy uses semantic codes peculiar to the literary type of the "little man". This role is necessary for the hero to complete the task. It opens doors for him in state institutions and journalist club. With all the success of the masquerade, captain becomes a hostage of his role. This role moves a plot, therefore even attempt of self-identification Rybnikov is unsuccessful. Genius espionage becomes a victim of traditional conflict "little man" and the state, like their literary counterparts. The motive power of state machine which decides destiny of the captain, in the story is satirically presented by "idol" of the whorehouse, the policeman.

Key words: "little man"; image of the enemy; the Russian-Japanese War 1904–1905; motive knowledge (vigilance) / ignorance (blindness).